

Йохевед Дабакарова

Опиум для народа

Костю знобило второй день подряд. Это было неприятно, но его гораздо больше беспокоили коллеги по цеху, которые могли заметить, что с ним что-то не так. А ещё ведь могла заявиться бабка, у которой он снимал квартиру. Как пить дать, на него напишут донос.

Один раз он уже почти попался, – когда начал притопывать ногой во время обеда. Мужики посмотрели: что-то необычное. Надо было уже тогда делать вид, что у него просто нервный тик, но он был молодым, невнимательным и наивным.

Сейчас от этого осталась только молодость. Зато прибавилась паранойя.

Начальство вызвало его на разговор. Он пришёл, даже не понимая, чем именно провинился. Костя до сих пор вздрагивал, когда вспоминал: если бы он сам обратил внимание, что начал *танцевать*, то на встречу бы пришёл ещё более нервным, и его бы прочитали, как открытую книгу.

И тогда здравствуй тюремное заключение на срок от пяти до восьми лет и принудительное лечение в специализированном учреждении.

Пётр Ильич постучал по столу, предлагая Косте сесть, и прочистил горло.

– Константин, я вынужден вам сообщить... Ваши товарищи заметили, что вы сегодня... Как бы это сказать...

У Кости пересохло во рту.

– Что?

– В общем... За вами были замечены движения... опасно ритмичного характера, – Пётр Ильич наклонился ближе и понизил голос до шёпота, – как будто у вас в голове играла... прости Господи, *музыка*...

Костя помнил, как его всего сжало, сковало удушающей липкостью, а позвоночник отказался двигаться, как будто стал цементным.

Единственным, что его спасло, оказались нервы: Костя не выдержал – непроизвольно рассмеялся, и смеялся так долго, что Пётр Ильич тоже в конце концов улыбнулся и откинулся на спинку кресла.

– Ну, я так и думал, – уже гораздо мягче сказал он. – Вы же хороший парень, Константин. Умелый, перспективный, с головой на плечах. И совсем не похожи на наркомана.

У Кости от улыбки к тому моменту уже до боли свело челюсть. Было так больно, что он был готов расплакаться, но прекратить улыбаться боялся.

Вдруг он *поймёт*.

– Значит так, Константин, – доверительным тоном произнёс Петр Ильич. – Мы ограничимся замечанием и спишем всё на недопонимание. Но давайте в будущем все подобные недопонимания исключим. Это понятно?

Понятнее некуда. Едва задело, но пронесло.

За полгода до этого он бы бросил в тот же день. Пришёл бы домой и сжёг все микрочипы в сковородке. И резервные копии бы спалил к чертям. И контакты Дениса. Но тогда он уже слишком плотно на этом сидел. У него не было шансов.

А теперь его знобило второй день подряд.

Костя открыл больничный и всем знакомым сказал, что поймал какой-то жутко заразный вирус с самыми стрёмными симптомами из возможных. Пока никто из них не хотел заполучить себе грибок и зудящую сыпь на интимных частях тела, он был в относительной безопасности.

Единственного человека, который должен был к нему прийти, никакая сыпь не пугает.

Сначала ему просто стало интересно. Как он нашёл дилера – это отдельная история, включающая в себя перепихон на одну ночь, туалетную кабинку со сломанной дверью в клубе и взятку девушке, знакомой ему через два рукопожатия, в виде коробки клубники в шоколаде, но это было не важно. Главное, что в итоге у него появился Денис.

Костя обратился к нему и сразу обозначил, что это одноразовая акция. Денис рассмеялся ему в лицо. Честно говоря, сейчас Костя и сам на его месте поступил бы так же. Это нельзя «просто попробовать». Оно прицепится к тебе навсегда.

Во второй четверти двадцать первого века группа российских учёных-невропатологов из Новосибирска пришла к умозаключению: музыку нужно внести в реестр наркотических средств. Исследование встретило противоречивые отзывы: его критиковали за обоснованность доводов и отсутствие достоверных источников, а в прессе даже пафосно называли сплошной софистикой. И всё же со временем, как только слухи об этом разошлись, для большинства стало очевидно, что так и есть: это наркотик чистой воды. Всё гениальное – просто.

Довод первый: музыка воздействует на человека на физиологическом уровне. Доказательство: сердечный ритм подстраивается под бит и музыкальный размер.

Довод второй: музыка делает человека неоправданно эмоциональным. Пример: из 600 опрошенных 453 сообщили, что хотя бы раз в жизни музыка довела их до слёз, а 534 – что она на постоянной основе поднимает им настроение.

Довод третий: наличие жертв слэмов во время музыкальных концертов.

Довод четвёртый: музыкальные жанры – ключевой элемент формирования контркультур. Хорошо ли это? Нет.

Несмотря на критику, исследование быстро стало резонансным и привлекло внимание широкой общественности, довольно скоро выйдя за рамки простого дискурса. Начали выдвигаться законопроекты. В результате: введение санкций на отдельные жанры,

включение конкретных произведений в список нежелательных и постепенное расширение границ запретов.

20 января далёкого 2035 года Закон вступил в силу. У Кости на заводе в прошлом году даже праздник по этому поводу организовали: сорок лет со дня освобождения нации от вечного наркотического тумана.

Вся музыка запрещена. Это опиум для народа.

Костя раньше об этом не задумывался. Это же просто... жизнь. Обыденность. Он никогда не был фанатом истории, а в школе на этой теме спал. Когда закон ввели, он ещё даже не родился. У его родителей остались воспоминания о музыке, но очень смутные, – они тогда были ещё детьми. И всего этого он никогда бы не узнал, если бы Денис не выдал ему историческую справку в тот вечер, когда Костя словил второй в своей жизни настоящий приход. Экстаз. Экзальтацию.

Катарсис.

Его первый раз случился скомкано, смято и стыдно. Костя потел, как девственник, пока сидел и ждал у двери. Волновался, как море: туда-сюда, туда-сюда, из стороны в сторону. Ходил по комнате, пока его не укачало.

Когда в дверь постучали, он был уверен, что это полиция: пройдёт до выяснения, голубчик, пройдёт. И это ещё если без «на колени, руки за голову, кайтесь во всех грехах против родины». «Грехов-то ещё не было, были только запретные мысли, позор, но не больше, честное слово», – начал было про себя оправдываться Костя, но в дверь снова постучали, и до него дошло, что выбивать её пока что никто не собирается.

У Дениса были озорные глаза, сломанный когда-то в прошлом нос и шапка на голове: он её носил, потому что волосы под ней были розовые и кудрявые, а кудри ещё лет

пятнадцать назад запретили. Если не знать последнего факта, вполне можно было принять его за среднестатистического работягу – на дилера он на первый взгляд похож и не был. Только вот глаза у Дениса и правда были очень странные. Блестящие такие. С каким-то непонятным, незнакомым Косте огоньком в глубине.

У него скоро тоже такие будут.

– Ну здравствуй, дорогой дружище, – Денис протянул руку через порог. – Чаем угостишь?

Встречаться на улицах ради передач было нельзя: везде камеры, везде отслеживают лица, засекут – пиши пропало всем, с кем когда-либо была связь. В общественных туалетах устраивали облавы, в парках всюду сидели менты в гражданском, и парадоксальным образом самой безопасной точкой контакта становились квартиры, – тем более, государство жаловалось, что уровень гостеприимства в стране упал до критического. То ли рождаемость от этого страдала, то ли общечеловеческая мораль, но подпольным распространителям это было только на руку.

Денис принёс товар на крошечном микрочипе: его можно было вставить в любой проигрыватель для подкастов и книг, и он не оставлял в коде никаких следов – чистая механика, последнее слово прогресса. Костя слабо представлял, как всё это устроено. У него на заводе таким не занимались.

– Готов? – спросил Денис.

Костя готов не был, хотя старался делать вид, что был. Денис легонько похлопал его по плечу.

– Не торопись, подыши сначала... – он плеснул себе кипятка в чашку. Пришёл по легенде на чай, а пил кофе. Вот вам и несоответствие в будущих показаниях. Он уже почти закончил чашку, когда Костя наконец кивнул.

И Денис начал инструктаж.

– Здесь два внутриушника, – показал он на пакетик, в котором едва-едва виднелись две отражающие свет точки. – Синхронизация с микрочипом стопроцентная, ни к чему другому гарантировано не подключатся. Вставляешь как можно ближе к барабанной перепонке. Вытаскиваются они тоже несложно, разберёшься. Я помогу, если что. И они абсолютно звукоизолированы, можешь в них хоть по улице ходить... да спокойно, спокойно! Я этого делать крайне не советую, конечно! Я же не сумасшедший. Боже, остынь!

Закончив установку, Денис заставил его несколько раз повторить и без того очевидные правила безопасности в духе «танцевать только дома» и «подпевать только шёпотом», но с некоторыми вариациями, типа «если на шёпote поймают, говори, что ты так учишь стихи, потому что для памяти полезно!»

– Последний шанс отказаться. – Палец Дениса завис над кнопкой включения проигрывателя. У Кости перехватило дыхание.

– Давай уже, – сквозь зубы прошипел он.

И она началась.

Мир взорвался – и вместе с ним Костя. Трелью капли и звоном посуды, перерастающей в падение с лестницы на гору подушек, поездку на роликах по родному двору, все самые приятные пожелания на дни рождения и мамины домашние эклеры. Салюты на Дне города. Картинки в энциклопедиях. Иммерсивный театр. Сон. Пробуждение.

– О да, ты уже чувствуешь.

И Костя чувствовал – как никогда до этого. Всем телом, даже пальцами ног. Корнями волос. Каждым закоулком лёгких. Дрожь бежала по спине так быстро, что могла бы обогнать и Ахиллеса, и черепаху.

Денис дождался, пока Костю отпустит – пока *это* не закончится. Минута и пятьдесят восемь секунд. Так коротко – и так прекрасно.

– Это Чайковский, «Танец Феи Драже», – сообщил он. – Симфонический оркестр, запись 2018 года, часть балета «Щелкунчик». Классика. Всегда надо начинать с классики.

Костя не знал, за какое слово зацепиться. Симфонический? Оркестр? Балет? Он не знал, что это значит.

Зато вот, что он знал: в названии этой музыки есть слово «танец», и это тоже нелегально. Дурацкое подтверждение собственной вины. Если на допросе ему скажут: «А что вам включил послушать этот незнакомец, которого вы впустили в дом?», а он ответит: «Танец Феи Драже», – его посадят, даже не разбираясь, по чьей вине всё произошло. И будут правы – потому что Костя сам виноват. По всем фронтам.

– Часть?.. – пересохшими губами спросил он.

«Часть балета». Чем бы ни был балет, «часть» означает, что есть что-то ещё.

И Денис рассмеялся.

– Ты даже не представляешь.

Нужно было быть совсем дураком, чтобы отрицать очевидные вещи: он стал жалким торчком уже после первой тяги. Отчасти потому, что у музыки, по сравнению с другими наркотиками, имелось одно явное преимущество.

Она не заканчивалась.

Сначала Костя сказал себе, что будет переслушивать её раз в месяц, но едва выдержал неделю. Во время второго приёма он расплакался. Это было невозможно, но ему показалось, что она стала ещё красивее. У него не было столько слов, чтобы описать ощущения, или он недостаточно ими владел... но так должно было звучать счастье.

«Ты даже не представляешь», – сказал Денис, и через месяц Костя позвонил ему снова.

К моменту, когда дверь открылась, «Танец Феи Драже» он переслушивал каждый день, перед сном.

– Вивальди, – объявил Денис, с таким видом выкладывая на стол микрочип, будто Костя знал, что это значит. – «Зима» из цикла «Времена года». Тональность – фа минор. Ведущая партия скрипки. Три тридцать девять. Один из моих персональных фаворитов.

Костя взял внутриушки дрожащими пальцами.

– Давай.

Глубокий вдох. Медленный выдох.

Возможно, дело было в том, что Денис сказал название произведения, но Костя тут же увидел вьюгу. Снежинки в свете фонаря. Гололёд. Замёрзшую слякоть – такую, что можно одновременно и споткнуться, и поскользнуться, а потом лежать посреди улицы в грязном снегу и полном одиночестве. Только всё это его не раздражало и не пугало, а как будто успокаивало: так было всегда, так будет всегда, мир так устроен, и ты в нём всё-таки не один.

А потом у него перехватило дыхание.

Волны, на огромной скорости врезающиеся в скалы. Ураган. Бег за автобусом, стук лошадиных копыт по камням, огромный зал с эхом, в котором можно потеряться. Ворона в небе над обрывом, купающаяся перьями в ветре. С каждой новой нотой образы так ярко мелькали у него в голове, что он невольно задавался вопросом: неужели такое может придумать человек?

– Зубы себе не сломай, дорогой.

Дениса он слышал как сквозь плотную пелену тумана. Чтобы разжать челюсть, потребовалось нечеловеческое усилие.

Рябь на воде. Чайки. Рассвет в минус тридцать. Дорога без людей и следов.

– Кульминация, – сказал Денис.

У Кости что-то в груди сжалось в пружину. Как будто до сердца достали шилом. Когда всё закончилось, Денис откинулся на спинку стула, а обмякший Костя сказал:

– Это лучше, чем секс.

Денис рассмеялся.

– Знаю! А прикинь, если совместить? Очень рекомендую.

Костя только тогда заметил, что он закурил. Сигареты были под запретом пятнадцать лет, и хотя их официально декриминализировали два года назад, у Кости в окружении не было ни одного человека, который употреблял бы никотин.

– Будешь? – Денис покрутил запястьем из стороны в сторону. – Это мой партнёр крутит. Без запаха, почти без дыма, пятен не оставляет, зато торкает. Айда-ушёл, будь уверен.

– Нет, но спасибо.

– Вот на то нам и свобода выбора. Молодец.

Он затаился. Помолчали.

– Это ты ещё «Реквием» не слышал, – вдруг сказал Денис гораздо более серьёзным тоном.

И всё, что смог ответить ему Костя:

– Неси.

Костя начинал день с Вивальди и заканчивал Чайковским. К следующему визиту Дениса «Зиму» он послушал сорок три раза. Парни на работе его хвалили, говорили, что у него глаза наконец загорелись. Он получил премию. Если бы они знали, результатом чего стал этот взгляд, они бы так им не гордились.

«Реквием по мечте» сбил его с ног – в переносном смысле, потому что Денис об этом позаботился и предупредил, чтобы он сел поудобнее. Неизвестный автор. Когда-то, когда в кино ещё была музыка, он звучал в фильме про наркоманов. Иронично. Ха-ха. Очень смешно. Приём длился восемь минут. За них Косте показалось, что он умер и родился заново.

– Качает? – спросил Денис, когда всё затихло, улыбаясь, как чеширский кот.

Да, качает – как щепку на волнах. Как пьяницу. Как на руках у мамы.

– Очень... качественный товар, – сказал Костя.

И только тогда понял, что плакал.

С появлением музыки его существование стало жалким – по крайней мере, должно было стать: так писали в брошюрах о наркотиках. Через две недели после первого приёма музыки начинаются слуховые галлюцинации, а через три почти неизбежны спазмы различных групп мышц и даже судороги – то, что называют «танцы». Единственный их вид, до сих пор оставшийся формально легальным, – это пластический театр. За всеми актёрами тщательно следят, ведь они в группе риска: вокруг больше соблазнов, и поэтому плановые сессии с психологом они проходят каждый сезон.

Сезон. Как у Чайковского – «Времена года».

Костя хотел сходить на постановку, но испугался, что это будет слишком подозрительно, и стыдливо посмотрел десяток записей в Интернете. Потом попробовал повторить сам, но в последний момент спасовал – в голове заиграла музыка.

– Это нормально, – потом сказал ему Денис. – Ты так привыкаешь.

Костя боялся представить, что будет, когда он привыкнет окончательно. Один раз он так опаздывал на работу, что не успел ничего послушать, потом весь день ходил дёрганный и рассеянный.

– Они поймут, – шипел он вечером на Дениса. – Они меня раскроют. И всё. До свидания. Пока-пока.

Технически не существовало закона, который запрещал бы неглубоким вечером кричать на своего товарища у себя же в квартире. Костя просто предпочитал жить и де-юре, и де-факто – от греха подальше. Настолько далеко, насколько позволяла ситуация. Разбег, впрочем, всё равно был невелик: он в этот самый грех и так уже по уши вляпался.

– Остынь, дорогуший! – Денис вскинул руки вверх и улыбнулся. – Не повышай на меня колебания воздуха. Напрасная трата звуковых волн. Спел бы лучше.

– Спел?! – Костя вцепился себе в волосы обеими руками.

Знакомство с Денисом было ошибкой, а сделать с этим он уже ничего не мог. Этот кудрявый чёрт был олицетворением всего, что было запрещено, и не переставал подбивать его на всё более страшные нарушения. Каждый день они оба рисковали угодить в тюрьму, и Дениса, казалось, это даже не беспокоило.

Он теперь приходил к нему почти каждый день. Иногда и правда кофе попить – тогда они просто общались, не обязательно про что-то незаконное. Бывало и про театр, и про психологию, и про биоинженерию, – Костя не понимал половины слов, вылетающих у Дениса изо рта, но и просто слушать тоже было интересно.

Но товар у него всегда был с собой, и иногда это было единственным, о чём Костя мог думать. Какая уж там биоинженерия.

– Да ладно, ладно, – Денис всегда говорил так, как будто пытался с ним мириться, даже когда они не ссорились. – Но я всё равно считаю, что у тебя бы хорошо получилось.

Готов?

И вот так Костя оставался безоружен.

Потому что... да. Да.

Готов.

– Эта интересная, – сказал Денис. – Эффект непредсказуемый. Непередаваемый. Честное пионерское.

Мог бы и не уточнять – Костя ему верил. Когда он надел внутришники, Денис поманил его пальцем.

– На этой надо стоять, – пояснил он, встретившись с непонимающим взглядом. – Ты поймёшь.

Костя встал. У него дрожали ноги – и так вот каждый раз, когда Денис приносил что-то новое. Он практически чувствовал, как кожа на лице и шее идёт красными пятнами от предвкушения.

– Слушай, – и Денис улыбнулся, обнажая зубы.

Звучание богатое, как будто его оборачивают тяжёлым бархатом. Бас. Духовые. Очень много инструментов – Денис учил его распознавать всякие разные, но получалось пока не очень хорошо, тем более их изображения были изъяты из свободного доступа как потенциально травмирующие, и визуализировать никак не получалось. Денис однажды между делом обронил, что немного играет на флейте – Косте казалось, что это невозможный, божественный навык. Он ведь мог не только принимать музыку... он мог создавать её сам. Буквально вдыхать в неё жизнь.

Вступила вокальная партия: глубокий, низкий мужской голос. Ещё и на английском – Костя ни слова по-английски не знал. Но звучало красиво, до мурашек. Хотя у него и так всё в музыке вызывало мурашки – до сих пор.

Денис посмотрел на него с лисьей ухмылкой – ничего хорошего ждать от этого не стоило. Музыка развивалась. Денис начал раскачиваться из стороны в сторону и одними губами сказал:

– Сейчас.

Мурашки собрались в тугий ком у Костя в груди, а потом их на скорости света фейерверком разметало по всему телу. Он не успел даже опомниться, как вдруг понял: Денис танцевал.

Вот что это такое.

– Закрой глаза, – чётко, по слогам, чтобы донести до него через музыку, сказал он,
– и делай, как чувствуешь.

И Костя – да чтоб его – послушался.

Это было чем-то непередаваемым, Денис оказался прав. Его щекотали изнутри, грудная клетка разрывалась и превращалась в крылья, пол становился водой, и он ходил по этой воде; он чувствовал себя сгустком концентрированного света, и этот свет невозможно было удержать на месте. Его было слишком много для одного Кости.

И он тоже начал. Тоже начал танцевать.

Костю уже ничто не спасёт. Он конченный человек – настала пора с этим смириться. И он не хотел, чтобы это кончалось. Правда, не хотел.

– Да, вот так... ты молодец... – где-то на фоне говорил Денис, дрейфующий на поверхности океана в двух тысячах лье над Костей, пока тот опускался всё глубже, всё ниже, почти доставая до дна и чувствуя себя абсолютно счастливым.

Музыка начала затихать, а Костя вцепился обеими руками в стул и осел на него, как мешок картошки.

– Это Фрэнк Синатра, – с довольной улыбкой сообщил Денис. – “My way of life”.
Тоже классика, просто другая. А ты, дорогуша, только что *танцевал*.

– Не сыпь мне соль на рану.

– И не собирался. Я тобой горжусь.

Костя смотрел на него снизу вверх. Через два дня Денис принесёт ему Дэвида Боуи, через неделю – Цоя, через две – то, что раньше называли «неоклассикой». Через три недели Пётр Ильич вызовет его на разговор, а потом Костя вернется домой и будет не то смеяться, не то плакать – и снова слушать «Реквием». А Денис придёт пить кофе, просто пить кофе, но не будет этому ни конца ни края, и самыми сложными в Костиной жизни окажутся часы тишины, и он будет жить урывками, клочками цвета, вставленными в уши, когда кругом – пустота и серость.

И всё у него будет прекрасно.

А потом Денис заболит, внутриушки сломаются, а у Кости начнётся озноб.

Конец сказки.

Всё было не так страшно, правда. Костя ходил по квартире взад-вперёд, нащёптывал слова по памяти, щёлкал пальцами. Денис как-то сказал, что у Кости отличное чувство ритма: вышел бы хороший музыкант. Садист и змей искуситель. Теперь у Дениса была температура, сопли и ломота в костях, а Костя сидел без музыки и сходил с ума.

– Знаю, знаю, – сказал Денис, попытавшись его успокоить. Это был не телефонный разговор, но Костя не мог себя удержать. – Я просто не хочу тебя заразить...

– Лучше бы заразил, – процедил Костя.

Тогда у него было бы больше времени и музыка в шаговой доступности. На расстоянии руки. Вытянутой. Согнутой. В ладони, под кожей, в костях.

Денис мокро и надолго закашлялся, а потом ещё несколько секунд молча висел на связи.

– Дай мне два дня, – сказал он. – Я бы к тебе Сашу отправил, но он... У него паническая боязнь невкусного чая. Так что... два дня.

Снова кашель, лающий, до хрипоты.

– ...А лучше три. Сможешь потерпеть?

Костя продлил больничный. Его уже и самого ломало – он даже начал подозревать, что Денис передал ему температуру одним только голосом. Кто их знает, эти звуковые волны? Они были способны запустить в нём механизмы, о существовании которых он даже не подозревал: заставить сердце биться быстрее, поднять настроение. Они научили его *танцевать*. Если бы оказалось, что они могут и вирусы переносить, Костя бы не удивился.

А три дня превратились в четыре. А четыре – в пять. Костя соловьём разливался коллегам, как ему плохо – чтоб её, эту сыпь, этот грибок, и мази никакие не помогают...

А неделю спустя Денис пришёл. Закутанный в три шарфа, в шерстяном пальто с чужого плеча. Он принёс с собой слякоть, стучащие зубы и новый комплект внутришников.

– За счёт компании, – выдавил он. – Включай уже.

Дрожащими пальцами Костя потянулся к проигрывателю и вытащил из него микрочип. Такой маленький, хрупкий, заслушанный до дыр. Денис взял его у Кости из рук – нежно, как новорожденного щенка. Он молодец, отработал своё с честью и заслужил отставку в объятиях создателя: Денис, который сам собрал его у Саши, своего партнёра, в подвале, убрал микрочип за пазуху.

– Готов? – хрипло спросил он, достав новый, и Костя жадно закивал, стоило ему только открыть рот.

И именно тогда, когда все улики были налицо, в дверь постучали. Поздно прятаться. Костя впился в Дениса полными паники глазами.

– Всё хорошо, – одними губами прошептал Денис. – Нужно открыть.

Когда Костя слушал музыку, он состоял из света и воздуха. Он был той самой вороной, парящей в тёплом ветре над обрывом. Он был бесконечен и счастлив. Счастливее всех живых.

Теперь его ноги словно стали ватными. Они не сгибались и не разгибались. Он их не ощущал.

– Кто там? – мертвенно-бледным голосом спросил он, ощущая каждым волоском на голове, что Денис смотрит ему в затылок.

Первая очевидная вещь: Денис не выдаст Сашу даже под пытками. Но вторая: на Костю он тоже ничего не свалит. Если получится, возьмёт всю вину на себя. Если нет – они затонут вместе.

– Открывайте.

Костя обернулся на Дениса.

– Эльвира Ренатовна, я в карантине, – сказал он через дверь. В это мгновение в нём успела забрезжить надежда. – У меня сыпь и...

– Знаю я ваши сыпи, – сказала она из-за двери. – А дружок твой кто, медик? Кандидат наук?

Костя зажмурился.

– Он из аптеки...

– Открывайте. Сейчас же.

Сказка не закончилась, когда он в предыдущий раз так подумал.

Она кончается сейчас.

Костя почувствовал, как Денис положил ладонь ему на плечо и некрепко сжал. Он был прав: они не могли здесь просто забаррикадироваться. И Костя сделал шаг в сторону, позволяя ему отпереть замок.

Эльвира Ренатовна шагнула в квартиру, которую сдавала Косте уже четвёртый год. Сама она жила в соседней, и Косте казалось, что он не даёт ей никаких поводов для беспокойства. Он надеялся, что был идеальным жильцом.

Надежда умирает первой. Все, кто считают иначе, врут сами себе.

– Я уж думала, ты с концами исчез, – сказала она Денису.

Тот смотрел на неё с решительным лицом, но пустыми, погасшими глазами, как будто был не здесь, а где-то далеко – может быть, с кем-то прощался. Задорный блеск, который Костя заметил в его взгляде при первой встрече, исчез без следа, и несмотря на то, что держался Денис достойно, именно в этот момент Костя впервые в жизни по-настоящему понял, что такое паника.

– Нет, – сказал Денис. – Не исчез.

А теперь исчезнет. И они оба замерли в ожидании самых заветных слов: «Я вызываю полицию».

– Что у вас есть?

Костя открыл было рот, но Денис его перебил:

– Кофе. Пряники. Чай жасминовый.

Костя обернулся. Денис казался каменным. Они как-то вечером обсуждали, что у людей в лицах больше ста мимических мышц. Сейчас у Дениса не дрогнула ни одна, хотя считанные минуты назад его трясло от холода и, чёрт знает, температуры?

Эльвира Ренатовна сделала шаг вперёд, и Костя внезапно осознал, что теперь трясёт уже её.

– Что вы *слушаете*?

– Только себя, друг друга и здравый смысл, – продолжил с непоколебимым видом врать Денис. – А откуда такой вопрос?

Очевидная вещь номер три: пока у них оставались шансы, сдаваться он не собирался.

– Мне казалось, я не просрачивал никакие платежи, – осмелел Костя. – Или я что-то перепутал? Вы уж меня простите, я с больничным совсем из времени выпал.

Эльвира Ренатовна его проигнорировала. Она была самым древним человеком, которого Костя знал: хорошо за восемьдесят, с узловатыми пальцами и до нелепого ровной осанкой. Он готов был поклясться, что она глуховата, поэтому изначально и решился позвать Дениса к себе. Теперь его уверенность померкла: с поразительным упорством Эльвира Ренатовна продолжала наступать на Дениса, пока не схватила его за рукав.

Костя подумал, что сейчас упадёт. И он, и Денис, и сама планета Земля. Почвы больше не существовало под ногами: были только её пальцы-корни с выступающими синими венами и предплечье Дениса, за которое они цеплялись.

– Ты знаешь, сколько я ждала подходящего момента? – спросила Эльвира Ренатовна. – Думала: всё, пропустила. А раньше боялась. Сейчас же как, донос и всё. Вдруг бы ошиблась, и вы бы меня сдали.

Денис моргнул. Косте показалось, что он впервые с момента, когда она вступила в комнату, несмело втянул носом воздух.

– Что вы слушаете? – повторила Эльвира Ренатовна, и её голос окончательно сорвался в дрожь. – Что ты принёс?

Денис очень долго смотрел ей в глаза. Костя боялся пошевелиться – и не мог оторваться от того, как ходят у его друга-дилера под кожей желваки.

– Экспериментальный студенческий хор, – очень тихо сказал Денис. – Акапелла.

– Включай, – сказала Эльвира Ренатовна. – Включай, всего святого ради.

И всё пришло в движение.

Не веря ни себе, ни тому, что происходит, Костя подскочил к Эльвире Ренатовне и, придерживая её под руку, повёл к дивану. Денис кинулся к проигрывателю и начал творить над ним магию: подключать внутриушники, вставлять новый микрочип – заниматься всем тем, что запускало в них с Костей жизнь, что зажигало их глаза. Эльвира Ренатовна так смотрела на подготовку, как будто всю жизнь голодала, а теперь перед ней наконец накрывают на стол.

Она вдруг взглянула прямо на Костю, и его обдало холодной дрожью.

– Я играла на виолончели, – сказала она. – В филармонии. Я давала концерты.

Денис отвлёкся от проигрывателя, замер.

– Чёрт, да вы же... Вы же застали...

Костя не смог заставить себя даже открыть рот. И он, и Денис смотрели на эту женщину, которая минуту назад напугала их до полусмерти, с благоговением. Костя не ошибся, мысленно назвав её древней: она была из времени «до». Из мифической эпохи, когда было не просто «можно», но и «хорошо», и «похвально», и «правильно». Из

нереального, невероятного измерения, в котором чудеса были доступны, и люди жили с ними душа в душу, понятия не имея, что когда-нибудь этого может... не стать.

Наконец опомнившись, Денис протянул ей внутриушники.

– Вот так, их нужно...

– Знаю я. Не вчера родилась.

Безумие. Настоящее безумие.

– Экспериментальный студенческий хор, акапелла, – повторил Денис, как будто в очередной раз рассказывал ему, Косте, про товар. Сюрреальность происходящего заливала их с головами. – Расклад на шесть голосов плюс вокализ. Двадцать девять участников. Запись тридцать пятого года. Это за... за две недели до закона.

– Включай уже, хватит маринада, – сказала Эльвира Ренатовна.

Денис нажал на кнопку.

Сначала ничего не изменилось – Костя впервые на собственном опыте убедился, что звук внутриушники и правда не пропускают. А потом он заметил, что Денис невесомо кивает головой в такт.

«Это нормально, – однажды сказал он Косте. – Ты так привыкаешь».

Музыка играла у него в голове.

– Про море поют, – прошептала Эльвира Ренатовна.

По щекам у неё катились слёзы.

Через пару минут Денис перестал кивать.

– Всё, – сказал он. – Закончилось.

– Ох, мальчики, – выдохнула Эльвира Ренатовна и замолчала, вытирая лицо ладонью. Костя подорвался, принёс салфетку, но она только отмахнулась. – Что у вас ещё есть?

– Чайковский, Рахманинов, – после паузы начал перечислять Денис. – Вивальди...

Он подставлял себя самым страшным образом: если на ней была прослушка, им всем конец. Но Костя тоже это почувствовал. Удивительное спокойствие – затишье после бури.

Она была из *того* времени. Из прекрасного далёка, которое тоже когда-то было музыкой, пока его не переселили в сборник стихов.

И она их *понимала*.

– Синатра, Боуи, Леди Гага, «Кино», Эйнауди, фрагменты «Собора Парижской Богоматери», Вишневский, повреждённые «Битлз»...

– Полные собрания сочинений?

– Нет, что вы... Два «Собора», два Вивальди, остальных по одному.

Она покачала головой.

– Это всё?

– Ещё Уитни Хьюстон. Теперь всё.

Ещё одна слеза скатилась по её щеке – крупная, круглая, как капля осевшего на крышку чайника пара. Костя снова протянул ей салфетку, и на этот раз она её приняла.

– Я уважаю вашу смелость, мальчики, но...

Денис напрягся, – Костя почувствовал это ещё до того, как увидел складку у него между бровями. Он и сам подобрался, как будто тело решило за него: если что, он бросится бежать.

– ...вы ведь понимаете, как это мало?

У неё были водянистые, беспомощные глаза, и в них внезапно вырисовалось смирение: с таким же видом парни на заводе шли к Петру Ильичу, когда точно знали, что их уволят.

– Её было так много, – прошептала она. – Так много... Мы могли слушать её весь день, не повторяясь в песнях, и она бы никогда не закончилась. Я репетировала по шесть часов в день. Мы играли в парках. У нас в репертуаре было сорок композиций, мальчики, *сорок*... И нам казалось, что этого *мало*...

Они слушали её, как будто она была змеей из «Маугли», а они – обезьянами. Когда-то в этом мультике тоже была музыка, это называлось «саундтрек». Теперь нет.

– И её ведь всё ещё продолжают делать... где-то там... а они даже не знают... А я отсидела три месяца в тридцать пятом. За то, что отказалась отдавать виолончель...

Костя сглотнул. Денис, казалось, опять перестал дышать.

– Можно? – спросила Эльвира Ренатовна, и Денис поспешно передал ей проигрыватель.

Что-то шевельнулось у Кости в груди. Недоброе предчувствие, зуд на костях. Может, и правда сыпь.

А Денис внезапно показался ему младше. Он ведь был почти его ровесником – таким же зелёным, с такими же тараканами. Костя вдруг вспомнил, как плохо ему было всю неделю, да и сегодня тоже... Адреналиновая вспышка отступала, его снова начинало трясти. Костя видел капли пота в его волосах. Они были меньшим из зол – за кудри дают только штраф, но и их бы хватило для доноса.

– Надо же, – сказала Эльвира Ренатовна, взвесив проигрыватель в руке. – Ничего не изменилось. Сорок лет прошло, а их всё такими же делают.

«Отдайте назад», – вдруг захотелось сказать Косте, и ему тут же стало за это стыдно, но он ничего не мог с собой поделать. Денис зашёлся в кашле, а Эльвира Ренатовна всё продолжала смотреть на проигрыватель и гладить его пальцами-корнями.

– Знаете, что мы с ними делали в тридцать пятом? Чтобы увеличить громкость?

И она потянулась к голове, чтобы вытащить внутришники из ушей.

Громкость нельзя слишком увеличивать, даже когда слушаешь книги или лекции – она строго регламентирована и контролируется законом о вмешательстве в слуховое поле. Звуков должно хватать только на одного человека, либо на нескольких при согласии всех присутствующих. На любых проигрывателях установлена блокировка – чтобы даже максимальную громкость нельзя было услышать из соседней комнаты.

– Это очень просто. Даже удивительно, что никто не знает...

– Подождите, – сказал Костя.

Но ничего не успел.

Коротким движением руки Эльвира Ренатовна вырвала из проигрывателя два синих провода, и двадцать девять человек запели из динамиков, разбивая песню на шесть голосов и вокализ.

Денис захлебнулся кашлем. Костя застыл.

– Они вообще ничего не знают...

Заминка в две секунды могла стоить Косте восьми лет свободы, а Денису – пятнадцати. Денис кинулся вперёд, вцепился в проигрыватель и дёрнул его на себя. Хор голосил. Вокализ выводил свою партию вверх. Эльвира Ренатовна держала проигрыватель удивительно крепко для человека своих лет.

– Простите, мальчики, – сказала она, – но как же иначе они узнают? Неужели это...

Денис вырвал вопящий проигрыватель у неё из пальцев. Казалось, песня с каждым мгновением становилась громче.

– ...никогда не закончится?

Проигрыватель разлетелся на куски. Денис стоял над ним, тяжело дыша, с опущенными после броска руками.

Но музыка не прекратилась.

Костя вдруг подумал: это всё ненастоящее. Так не может быть – и не должно.

Это же был его маленький мир. Мир, где он каждое утро слушал Вивальди, а каждый вечер – «Фею драже», ходил на работу в панике, но счастливый, а потом пил чай, а Денис пил кофе, и они обсуждали бихевиористику, озоновый слой и первый раздел философии.

И всё было в порядке.

– Правда ведь... раньше вещи делали на века, – сказала Эльвира Ренатовна.

Денис рухнул на колени перед приёмником и начал судорожно отсоединять детали друг от друга, но с каждым порванным проводом громкость только увеличивалась. Костя наконец-то почувствовал, что может двигаться, может ему помочь... Но стоило ему дёрнуться, как Эльвира Ренатовна схватила его за запястье.

– Не надо, – сказала она. – Так нужно. Ты... послушай. Слышишь? Оно уже началось.

Она держала его за запястье, Денис пытался заткнуть приёмник, студенты-хористы пели о море, а в квартире сверху семья алкоголиков, может быть, уже вызывала полицию – никто из них пока не мог этого знать.

А ещё они не знали, что в десяти метрах от них, во дворе, задрав головы вверх, стояла стайка мальчишек с велосипедами. Один велосипед упал на чью-то клумбу, но никто не придал этому никакого значения.

Из окна соседнего здания высунулась голова. Потом ещё две. Пожилой мужчина выбежал из подъезда и замер. Девушка с собакой остановилась прямо под знаком «выгул собак запрещён».

Вот ваш опиум, народ. Держите.

Их становилось всё больше, почти как людей в студенческом хоре, поющем на шесть голосов с вокализмом.

И они впервые слышали, как звучит жизнь.